

Русская
антропологическая
школа

Труды

Выпуск 8

Москва
2011

движение его критики³⁴, для нас важен не столько символизм царя-жертвы, соучаствующей в жертвоприношении Иисуса Христа, сколько дуализм и эсхатология. Для византийской церковной традиции было характерно говорение о религиозных вопросах на языке «политической эсхатологии». Отблеск последней обеспечил появление культа царя Ивана Грозного. Он, впрочем, не остался в контексте описанного мифа единственным царем с чертами Судии, приготовившего отмщение силам зла. Далее концепт «грозного правителя» обогатился образом И.В. Сталина. По мнению С.Л. Фирсова, мы имеем дело с религиозным творчеством «... коммунистически ангажированных верующих. Для них святым является Иосиф Сталин, иконы которого уже доступны посетителям Интернета. Вождь изображен с мечом в правой руке и книгой (очевидно, Библией) — в левой»³⁵. Вот он, образчик советской титанической образности, не отягощенный никакими вторичными ментальными процедурами.

Не стоит, впрочем, связывать культ царя-мученика и августейшего семейства, равно как и новейшую мифологию, с появлением в российском православии какого-то нетрадиционного «нового типа» православного человека³⁶. Перед нами факты внутреннего развития самой российской православной традиции. Следует признать, что мы недостаточно понимаем природу новых религиозных явлений. Сегодня верующие реагируют на разрыв с исторической Россией — эта рана стала болеть спустя столетие после социальной революции. Кроме того, имеет место острая реакция на кризис СССР, становление новой экономической реальности, на понижение статуса традиционных религий в условиях глобализации. В случае мифологий наподобие «цареискупительной ереси» мы встречаемся с ядрами новых российских религиозных культур, рождающихся на наших глазах и локализованных на этот раз уже не топографически, а на воображаемой карте социальных феноменов.

³⁴Фирсов С.Л. Псевдоправославная мифология в России. (К постановке проблемы) // XVII ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. М., 2007. Т. 1. С. 313–320.

³⁵Там же. С. 317.

³⁶Ср. обоснованную критику теории «верующих нового типа»: Налетова И.В. «Новые православные» в России: тип или стереотип религиозности // Социологические исследования. 2004. № 5. С. 130–136.

Е. Балтунова

Жизнь после смерти:
тронные залы Российской империи
в советское/постсоветское время
(на примере Грановитой палаты Московского Кремля)*

В статье исследуется использование в советское и постсоветское время одного из главных представительских помещений дореволюционной России — Грановитой палаты Московского Кремля. Автор показывает, как на протяжении столетия имперское репрезентативное пространство прошло путь от исключительно утилитарного использования до возвращения к первоначальной функции, связанной с символической репрезентацией власти.

Ключевые слова: тронный зал, Грановитая палата, Московский Кремль.

В XVIII в., когда топография власти Российской империи только начала формироваться, мотивация к строительству более просторного, более репрезентативного, более пышного дворца обычно сводилась к тому, что прежнее помещение «не потребно» для нужд «по великости... императорского достоинства»¹. К моменту, когда империя канула в лету,

* Работа написана при поддержке Американского Совета научных сообществ (ACLS).

¹ См., например указ императрицы Елизаветы Петровны Сенату о строительстве Зимнего дворца: «Понже в Санкт-Петербурге наш Зимней дворец не токма для приему иностранных министров и управления при дворе во учрежденные дни праздничных обрядов

ее величие было представлено более чем значительно, прежде всего, за счет монарших резиденций, в состав которых непременно включались государственно-представительские помещения разного уровня, главными из которых были тронные залы.

Комплекс тронных залов Российской Империи окончательно оформился к середине XIX в., когда идея пресмственности дворцового пространства, как такового и, особенно, тронных залов достигла своего абсолюта. Наиболее востребованными для представительских целей были Грановитая палата Московского Кремля, Георгиевский зал Зимнего дворца в Санкт-Петербурге, а также Андреевский тронный зал Большого Кремлевского дворца. Эти залы возникли в разное время, но постепенно стали частью единого представительского пространства Российской империи. Каждое из помещений было напрямую связано с комплексом имперских символов страны. Последние, при этом могли быть как очевидными (государственная символика, например, гербы), так и менее явными (акцентировка освещения, символика сторон света, гендерные и милитарные коннотации, особым образом оформленное церемониальное движение и т.д.²).

Все эти помещения можно увидеть и сегодня. В СССР, а затем и в постсоветской России имперские тронные залы в той или иной мере оказались востребованы — как часть культурно-исторического наследия Российской империи и/или как часть пространства власти. При этом фактически ни одно из них не утратило представительских функций, даже оказавшись (как в случае с Георгиевским залом Зимнего дворца) частью музейного пространства.

История тронных залов Российской империи, переживших ее падение, — это не просто рассказ о том, насколько изменилось пространство под влиянием новых исторических факторов и идеологических установок. Наблюдение за новой властью в старых интерьерах многое проясняет в самих представлениях о власти как об архитектурной

но и для умещения нам и потребными служителями и вещами доволен быть не может. Для сего мы вознамерились оный наш Зимней дворец з большим пространством в длине, ширине и вышине перестроить» (Указ Сенату 1754 г. // Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 14. Оп. 1. Д. 153. Л. 1).

²Болтунова Е.М. Пространство власти: царский/императорский дискурс в топографии Москвы и Санкт-Петербурга конца XVII–XVIII столетий // *Ab Imperio*. № 2. 2009. С. 65–104; Она же. Трон Великого Петра: к вопросу о семантике тронных залов в России XVIII в. // *Труды Русской антропологической школы*. Вып. 5. М., 2008. С. 496–521; Она же. Тема войны в декоре российских императорских дворцов XVIII–XIX вв. // *Военно-исторический журнал*. 2010. № 12. С. 44–49.

структуре. Настоящая статья — попытка ответить на вопрос о том, какое значение имело имперское пространство власти в целом и представительские помещения в частности для формирования властного дискурса в России XX в.

Такая масштабная задача, однако, не может быть решена в объеме статьи, поэтому здесь речь пойдет лишь об одном из тронных залов страны Грановитой палате Московского Кремля (1487–1491 гг., М. Фрязин и П.А. Солари). Это старейшее представительское помещение, использовавшееся как в период Московского царства, так и в период Российской империи для проведения наиболее значимых церемоний (заседания Земских соборов, приемы послов, коронационные обеды и балы, объявления наследников престола, празднования побед русского оружия).

Вместе с Красным крыльцом палата является единственной сохранившаяся частью дворца Ивана III в Кремле и в настоящий момент представляет собой отдельно стоящее здание, обращенное восточным фасадом к Соборной площади Московского Кремля (Рис. 1).

В XIX в. Грановитая палата вошла в комплекс зданий Большого Кремлевского дворца. Это было вполне реальное объединение: через Владимирский зал палата соединялась с основным комплексом. С этого времени вход в зал мог осуществляться не только по знаменитому Красному крыльцу, но и через основное здание дворца.

Внутри это квадратный в плане зал, с традиционными для древнерусской архитектуры сводчатыми стенами, опорой для которых служит центральный столб. Стены палаты и грани столба украшают росписи, представлявшие собой летопись царской династии, вписанную в священную историю.

К началу XX в. пространство Грановитой палаты пережило несколько перекодировок. Здесь можно отметить переход от символики Московского царства к образам европейской Российской империи (XVIII в.) и попыткам, в определенном смысле, сочетать обе традиции (конец XIX–начало XX вв.). В XVIII в. пространство зала было оформлено в имперском контексте, что связано, в целом, со стремлением приспособить сложно инвертируемую, но сакрально значимую топографическую зону Московского Кремля для осуществления идей трансляции империи³. Росписи Грановитой палаты перестали восприниматься как важный элемент символики: уже с конца XVII в. стены зала закрывали «сукнами»,

³Ту же цель преследовали (но далеко не всегда оказывались способными осуществить) Кремлевские дворцы императриц Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны, планы устройства Кремля арх. В.И. Баженова и М.Ф. Казакова.

шпалерами, а затем и, ставшим традиционным, темно-вишневым бархатом с изображением двуглавых орлов (Рис. 2)⁴.

В начале 1880-х гг. в связи с предстоящей коронацией Александра III палата была вновь расписана. При этом росписи были восстановлены по оригинальной описи С. Ушакова второй половины XVII в. Концепция царствования двух последних российских императоров делала русский миф частью имперского дискурса, а потому апелляции к допетровским коннотациям в символике власти стали вновь актуальными⁵.

Предваряя исследование, можно отметить, что, вполне традиционно, вопрос о том, насколько востребованным оказалось в СССР культурно-историческое наследие Российской империи, представлен в историографии двумя во многом противоположными точками зрения.

С одной стороны, достаточно частым является указание на то, что слом, произошедший в результате революции 1917 г., уничтожил целый культурный пласт и несколько поколений дворянства и интеллигенции, являвшихся своего рода «хранителями» культурной памяти. При этом подчеркивается, что пришедшие к власти в большинстве своем не только не были способны воспринимать и ценить наследие великой империи, но, напротив, стремились уничтожить его, создав взамен разрушенного нечто свое, совершенно новое, безусловно чуждое прежней традиции. При этом в оценках такого рода сталинский период часто заслоняет собой более поздние и иные по своей сути явления, а интенции террора и разрушения просецируются на более поздний период.

Сторонники менее резких оценок указывают на то, ощущение тотального слома связано, прежде всего, с изменениями в идеологии, появлением структур, которым прежде не было аналога, а также на агрессивное вторжение в такую консервативную сферу, как быт. Вместе с тем огромный пласт смещенных бытовых стандартов зачастую мало что объясняет в бытовании более глубоких (во многом даже архаичных) культурных зон, где разрыв мог быть не столь значителен или не смотря на

⁴См., например: Венчание на царстве Екатерины II. 22 сентября 1762 г. Парадный обед в Грановитой палате. Гравюра А. Я. Калашинкова (последняя четверть XVIII в.); Прием 1764 года в Зимнем дворце. Гравюра с рис. М. И. Махаева (вторая половина XVIII в.). О росписях палаты более раннего периода см.: Насибова А. Грановитая палата Московского Кремля. Л., 1978; Козлитина Э.М. Документы XVII в. по истории Грановитой палаты Московского Кремля // Государственные Музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. Вып. I. М., 1973. С. 95–110.

⁵Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 2. М., 2004.

происходившие изменения, предшествующие реалии оказались востребованы в той или иной степени.

И хотя сторонники второй позиции в последнее время представили читательской аудитории ряд интереснейших работ⁶, традиционный подход, ориентированный на противопоставление, очевидно, носит более массовый характер. В итоге точкой отсчета для большинства исследований становится позиция, разводящая в стороны разные периоды в истории страны, а единственным возможным взаимодействием оказывается столкновение двух таких историй. Особенным образом акцентированное позиционирование разрыва, пролегающего через русло русской истории, очевидно, само по себе связано с наследием советской исторической школы и, в целом, историографией периода «холодной войны».

В революционной риторике начала XX в. дворец — это символ «проклятого прошлого», всего, что чуждо новой жизни. В паре «дворец» — «хижина» в известном лозунге «Мир хижинам — война дворцам!» первому приписываются всевозможные аллюзии, связанные с контрреволюцией. В революционных речах и плакатах дворец, прежде всего, место обитания чуждых классов⁷. Образы такого рода прекрасно представлены в плакате неизвестного художника «Вступайте в коммунистическую партию!» (1920 г.) (Рис. 3). Передний план изображения представляет собой оппозицию дворец — хижина. На ступенях дворца, стоят лишь пятеро (помещик, капиталист (торговец), священнослужитель, старший офицер и жандарм), тогда как небольшое строение с надписью «Коммунистическая партия» на фасаде и красным флагом на крыше привлекает массы людей, движущихся от завода и села и сливающихся у дверей дома в единый поток. Интересно, что фасад изображенного здесь дворца оформлен массивными фигурами, напоминающими атлантов Нового

⁶См., например: Соцреалистический канон. СПб., 2000; Language and Revolution. The Making of Modern Political Identity. London, 2002; Halfin, Igal. From Darkness to Light. Class, Consciousness and Salvation in Revolutionary Russia, Pittsburgh, 2000; Idem. Terror in My Soul. Communist Autobiographies on Trial. Harvard, 2003.

⁷Тексты В. Ленина переполнены образностью такого рода. См., например, речь на митинге, прошедшем на заводе Михельсона (30 августа 1918 г.): «Точно так же реальная, подлинная жизнь научила рабочих понимать, что пока помещики великолепно устроились во дворцах и волшебных замках, до тех пор свобода собраний является фикцией и означает свободу собираться разве на том свете» (Ленин В.И. Полное собрание сочинений в 55 томах. Т. 37. М., 1969. С. 84).

Эрмитажа, здания, примыкающего к Зимнему дворцу и входившего до революционного периода в комплекс главной императорской резиденции в Санкт-Петербурге. Возможно, художник стремился провести некую параллель между этим, условным дворцом и главным императорским дворцом страны.

В эти годы дворец становится также символом внутренней контрреволюции. Так, в 1918 г., Ленин апеллировал к этому образу при описании позиции партии эсеров: «Эсеровская партия изменила вам, товарищи крестьяне. Она изменила хижинам и стала на сторону дворцов, если не дворцов монарха, то тех дворцов, где кадеты, злейшие враги революции... заседают в одном правительстве с Черновыми, Пешехоновыми, Авксентьевыми»⁸. Этот образ был доведен до своего абсолюта в одной из речей И.В. Сталина, который заявлял, что «штрейкбрехеры революции поспешили перебраться из „бараков“ Смольного института в „каменное здание“ Зимнего дворца, разжаловав себя из „вождей революции“ в „денщиков“»⁹.

Вместе с тем, в риторике конца 1910–1920-х гг., дворцы, давшие приют бескровным и неимущим, превращенные в места собраний, съездов и совещаний становятся символом победы революции¹⁰.

В оценках такого рода, вероятно, не было никакого внутреннего противоречия — одно было следствием другого. Однако, все же, эти две стороны одной медали затрудняли четкое определение того, что именно надлежало делать с доставшимися в наследство дворцами. Если дворянские усадьбы еще можно было разделить, в зависимости от общественной позиции владельца, на категории, приписанные в конечном итоге к понятиям «прогрессивный»/«революционный» или «регрессивный»/«старорежимный», то выстраивание новой линии в отношении таких сооружений, как многочисленные дворцы Романовых было задачей куда более сложной.

Показателен в этом отношении известный декрет В.И. Ленина

⁸ Там же. Т. 34. М., 1969. С. 114.

⁹ Сталин И.В. Собрание сочинений в 13 томах. Т. 3. М., 1946. С. 378–379.

¹⁰ См., например, речь В. Ленина на Заседание I съезда сельскохозяйственных рабочих Петроградской губернии (13 марта 1919 г.): «Мне особенно отрадно видеть, что здесь, в Питере, где так много прекрасных зданий, дворцов, имевших совершенно неправильное назначение, товарищи поступили правильно, отобрав эти дворцы и превратив их в места собраний, съездов и совещаний как раз тех классов населения, которые на эти дворцы работали и в течение веков эти дворцы создавали и которых на версту к этим дворцам не подпускали!» (Ленин В.И. Указ. соч. Т. 38. М., 1969. С. 24).

1918 г. о сносе монументов, созданных в честь «царей и их приспешников». Как известно, именно он заложил основу так называемого ленинского плана монументальной пропаганды, направленного на деконструкцию целого ряда памятников и возведение на их месте монументов в честь значимых для русской революции фигур (Маркса, Энгельса, Робеспьера, Спартака, Байрона и др.)¹¹. Интересно, что декрет был целиком посвящен монументам. В нем не было ни слова о судьбе многочисленных дворцов.

Существование в первые годы после революции сложностей в формировании единой позиции относительно императорских дворцов столь же очевидно, сколь и стремление новой власти не поддерживать спонтанный революционный вандализм, конечно, имевший место. Народный комиссариат Просвещения прикладывал в этом направлении определенные усилия. Еще в ноябре 1917 г. нарком А.В. Луначарский издал приказ «О ведении дел бывшего Министерства двора», напрямую касавшийся охраны дворцового имущества. Он предписывал всем служащим Министерства, а также членам художественно-исторических комиссий при дворцах оставаться на местах и продолжать исполнение своих обязанностей по сохранению, поддержанию и описи коллекций¹². Показательны и телеграммы за подписью Ленина с требованием усилить охрану ялтинских дворцов, чтобы предотвратить их разграбление¹³.

Звучали также призывы к рядовым гражданам охранять произведения искусства. Хорошим примером в этом отношении может стать плакат Н. Куприянова «Граждане! Храните памятники искусства» (1919 г.), который вполне доступно демонстрировал, что именно необходимо сохранять (Рис. 4). Здесь наряду со скульптурной группой Аничкова моста, старинными свитками и книгами, чашами и монетами был изображен Таврический дворец. Конечно, согласно предлагаемой логике охранять надлежало здание, имеющее отношение к истории русской революции, но, вместе с тем, важным представляется и то, что к числу ценностей было отнесено и собственно здание дворцового комплекса.

¹¹ Охрана культурного наследия России XVII–XX вв.: Хрестоматия. М., 2000. Т. 1. С. 388. Отметим, что в историографии существует указание на тот факт, что Ленин собирался использовать труд безработных для сноса памятников царям. Снос памятников, таким образом, расценивался, как долгосрочный символический проект (Clark, Toby. Art and Propaganda in the Twentieth Century. New York: Harry N. Abrams, 1997. P. 79).

¹² Сборник декретов и постановлений рабоче-крестьянского правительства по народному образованию. Вып. 1. М., 1919. С. 121.

¹³ Ленин В.И. Указ. соч. Т. 52. М., 1970. С. 309.

В конце 1910–1930-е гг. в советской России начинается процесс символической апроприации дворцов. В это время складывается целая система перекодировки околослужбного пространства. Толчком для развития последней стало появление в непосредственной близости от дворцов революционных захоронений (Гатчина, Царское село, Павловск, Киев, а также неосуществленный проект мемориального революционного некрополя у Зимнего дворца в Санкт-Петербурге). Захоронения в подобных местах способствовали внешнему изменению дворцовой зоны: у могил вырастали ели, закрывавшие фасады зданий, появлялись памятные знаки и монументы вождям, площади перед такими комплексами получали имена павших героев революции. Это, с одной стороны, размывало семантические границы дворцового комплекса, а, с другой, открывало возможность для проведения здесь новых советских ритуалов (митингов, клятвоприношений, военных парадов, демонстраций и др.). Фактически такая внешняя апроприация дворцов проходила достаточно быстро.

Менялся и внутренний облик дворцовых помещений. В той или иной мере здесь можно указать на две тенденции. Во-первых, стремление к утилитарному использованию таких зданий при отказе от функций репрезентативного порядка. Во-вторых, напротив, выдвигание вперед представительской функции, иными словами превращение дворцов в музеи. При этом речь могла идти как о музее царского/дворянского быта, так и о художественном музее (галерее).

Большой Кремлевский дворец Московского Кремля (со зданием Грановитой палаты) в силу развития исторических событий начала XX в. представлял собой пространство особого рода. Как известно, в 1918 г. советское правительство переехало в Москву. Местом для размещения был выбран Кремль, а значит, утилитарность использования и вопрос репрезентации оказывались равно актуальными.

Процесс советизации Кремля начался почти сразу: на здании Сената был поднят красный флаг, часы на Спасской башне начали играть «Интернационал»¹⁴, а митинги, маевки и субботники стали частью кремлевского быта¹⁵. К одному из первых советских праздников, проведенных правительством в Москве — 1 Мая 1918 г. — Кремль был оформлен особенно пышно. Для реализации масштабной задачи к работе были привлечены десятки плотников, кровельщиков, а также художников, скульп-

¹⁴ Мальков П.Д. Записки коменданта Кремля // URL: <http://lib.ru/MEMUARY/MALKOW/krem1.txt> (дата обращения: 15.05.2011).

¹⁵ Ленин В.И. Указ соч. Т. 36–38. М., 1968–1969.

пторов и архитекторов. Первый советский комендант Кремля П.Д. Мальков так описал получившийся результат: «Кутафья башня была вся обвита красной материей. С ее стен свешивались огромные плакаты: „Да здравствует всемирная Советская Республика!“, „Да здравствует красное знамя свободного труда!“... Высоко над башней гордо реяли два алых стяга. Вдоль всего Троицкого моста, от Кутафьей башни к Троицкой, полоскались на весеннем ветру два ряда красных флагов, образуя красочный коридор. По всем четырем стенам Троицкой башни спускались полотнища с лозунгами, а место древней... иконы в центре башни заняло огромное панно, на котором был изображен могучий красный витязь, вознесшийся над землей»¹⁶. Сохранились, кстати, эскизы оформления Кремля в 1918 г., выполненные известными конструктивистами братьями В. и А. Весниными. Эти изображения многое добавляют к пониманию возможной концепции праздника¹⁷. Отметим, что, по сообщениям того же Малькова в этот день Ленин лично инициировал снос памятника Великому князю Сергею Александровичу, который был возведен в Кремле на месте его убийства террористом И.П. Каляевым¹⁸.

С использованием внутреннего пространства дворцов в Кремле (прежде всего, Большого Кремлевского) все обстояло несколько иначе. Как известно, первое время после переезда в Москву Ленин жил в гостинице «Националь». В Кремле он занял сначала небольшое помещение в Кавалерском корпусе, а затем переехал в здание Сената (называвшееся в начале века зданием Судебных установлений), где находился Совет народных комиссаров (Совнарком). Задействованными здесь оказались и некоторые представительские залы. Так, в Свердловском (бывшем Екатерининском) зале проходили партийные съезды и конференции большевиков. В Митрофаньевском зале летом 1918 г. состоялся суд над руководителем Ледового похода А. Щастным. Здесь же 2 марта 1919 г. состоялся конгресс коммунистических и левых социал-демократических организаций, объявивший о создании III Интернационала.

¹⁶ Мальков П.Д. Указ. соч.

¹⁷ URL: <http://cosomera.livejournal.com/261670.html> (дата обращения: 15.05.2011).

¹⁸ «Владимир Ильич ловко сделал петлю и накинул на памятник. Взглянул за дело все, и вскоре памятник был опутан веревками со всех сторон... Ленин, Свердлов, Аванесов, Смидович, другие члены ВЦИК и Совнаркома и сотрудники немногочисленного правительственного аппарата впряглись в веревки, налегли, дернули, и памятник рухнул на булыжник. — Долой его с глаз, на свалку! — продолжал командовать Владимир Ильич. Десятки рук подхватили веревки, и памятник загремел по булыжнику к Тайницкому саду» (Мальков П.Д. Указ. соч.).

Между прочим, приоритет Сенатского дворца — факт достойный особого внимания. То, что большевики выбрали для размещения высшего органа новой власти резиденцию высшего органа государственной власти в Российской империи говорит не только о наличии у них знаний о властной топографии, но и о стремлении до определенной степени следовать установленной логике. Примечательно и то, что мавзолеем Ленина — знаковое сооружение новой власти — в конечном итоге оказался расположенным у Кремлевской стены на одной линии со зданием Сената, как бы укрепляя и поддерживая эту зону.

Большой Кремлевский дворец, напротив, в первое время после переезда в Москву в планах большевиков не значился. Казалось, новая власть еще не определилось с его назначением¹⁹. Интересно, что уже упоминавшийся комендант Кремля П.Д. Мальков почти сразу предложил разместить Совнарком именно в Большом Кремлевском дворце. Показательна реакция Ленина на это предложение. 14 сентября 1918 г. он пишет по этому поводу В.Д. Бонч-Бруевичу: «Владимир Дмитриевич! Вот план тех комнат, куда Мальков хочет перевести СНК. Прошу... осмотреть и обдумать, стоит ли? (1) Топка будет дьявольски дорога. (2) Удобно ли там будет с приемной? (3) Нельзя ли остаться здесь? т.е. не будет ли чересчур холодно? Позвать печника и выяснить. Привет! Ленин»²⁰. Согласно этому документу, фактической причиной отказа от планов переезда Совета народных комиссаров во дворец оказывается отсутствие там тепла.

Несколько месяцев спустя, в ответ на докладную записку Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомпроса, а затем и на заседании Совнаркома Ленин высказывается за передачу Большого Кремлевского дворца под музей²¹. 12 декабря 1918 г. Совнарком постановляет «принять меры для использования помещений Большого Кремлевского дворца для музея, в особенности для представления исторической картины царского быта»²².

Однако утилитарность вскоре одержала победу. Последнее, конечно, было связано с необходимостью реализации чисто практических по-

¹⁹О развернувшейся в начале 1920-х гг. дискуссии о дальнейшей судьбе Кремлевских зданий см.: Козлов В.Ф. Архитектурные памятники Московского Кремля в первые годы Советской власти (по материалам Центрального муниципального архива Москвы) // Кремль России: Тезисы докладов Всероссийского симпозиума (Москва, 23–26 ноября 1999 г.). М., 1999. С. 82–84.

²⁰Ленин В.И. Указ. соч. Т. 50. М., 1970. С. 179.

²¹Там же. С. 212, 418.

²²Там же. С. 454.

требностей: кремлевских обитателей стремилась обеспечить жильем и мебелью. При этом помещения выделялись из прежнего дворцового хозяйства, а меблировка комнат осуществлялась предметами бывшего романовского имущества²³.

Существовала, впрочем, и другая причина. Появление музеев дворянского, а тем более, царского быта почти сразу оказалось проблемой. Интерес, который проявили граждане к открытым для обозрения дворцовым помещениям, был исключительным, что неудивительно для периода НЭПа. Особенным вниманием пользовались открытые в 1922 г. императорские покои Зимнего дворца. Согласно существующим подсчетам, число посетителей с течением времени только возрастало. Только за первую половину 1926 г. дворец посетило в два раза больше публики, чем за весь 1925 г.²⁴. 1 августа 1926 г. «исторические комнаты» Зимнего были закрыты.

Холодные помещения Большого Кремлевского дворца музеем царского быта так и не стали. В первые послереволюционные годы здесь часто размещали арестованных. Комендант Мальков писал в своих воспоминаниях, что «само собой разумеется, никакого тюремного помещения в Кремле не было и в помине, каждый раз приходилось что-либо придумывать»²⁵. Так, для содержания Ф. Каплан была выделена комнат под Детской половиной Большого Кремлевского дворца. Глава британской миссии Р. Локкарт, замешанный в, так называемом, заговоре послан 1918 г., был также размещен во дворце, во фрейлинских комнатах. При этом дипломату отвели достаточно большое помещение со спальней, столовой, кабинетом и ванной. Выбор места определялся соображениями безопасности — обеспечить охрану здесь, в удаленном крыле дворца, было относительно несложно²⁶. Возможно, во дворце содержались и некоторые из арестованных анархистов, для которых не хватило места на кремлевской гауптвахте²⁷.

Небольшой Грановитой палате, входившей в комплекс помещений Большого Кремлевского дворца, применение нашлось почти сразу. Здесь была устроена столовая, связанная с кухней, разместившейся, в свою очередь, в Золотой палате. Совершенно понятно, что вопрос обеспече-

²³Мальков П.Д. Указ. соч.

²⁴Несин В. Зимний дворец в царствование последнего императора Николая II (1894–1917 гг.). СПб., 1999. С. 7.

²⁵Мальков П.Д. Указ. соч.

²⁶Там же.

²⁷Там же.

ния был для властей на тот момент одним из основных. Число людей, проживавших и работавших, в Кремле стремительно увеличивалось. В бумагах Ленина можно найти переписку с разными лицами относительно устройства в Кремле того или иного человека. При этом всем им Ленин всегда просил обеспечить теплую комнату и «кормежку»²⁸. В столовой, которая разместилась в Грановитой, питались работники правительственных учреждений, в частности, Совнаркома, члены их семей, делегаты конференций, съездов и конгрессов.

Насколько осмысленным был такой выбор сказать сложно. Но, по крайней мере, два аспекта, связанные с организацией этой столовой, представляется достойными внимания. С одной стороны, советская столовая в Грановитой оказалась связана с кухней, расположенной в Золотой палате. Этот зал, как и Грановатая палата, был одним из древнейших гражданских сооружений Кремля (XVI в.). Он использовался в качестве парадной залы цариц. Его стены, как и стены Грановитой, были украшены росписями, изображавшими, в данном случае, сцены из жизни византийских цариц. Таким образом, решение задач вполне практического порядка было в данном случае осуществлено в залах, не являвшихся смежными в пространстве дворца, но тесно связанных между собой семантически.

С другой стороны, именно Грановитая и Золотая палаты были местами, где, помимо прочего, устраивались многочисленные «столы», то есть обеды в честь того или иного важного события (рождение, крестины, именины, коронации и т.д.)²⁹. В определенном смысле появление советской столовой именно в этих стенах, также как выбор здания Сената для заседаний Совнаркома, возможно, казался новой власти естественным продолжением функционального назначения этого пространства.

Очевидно, что использование помещения Грановитой под пищеблок предопределило появление под стенами палаты здания кремлевской столовой, построенного в 1934 г. на месте снесенного Красного крыльца (арх. И.А. Иванов-Шиц) (Рис. 5). Оно предназначалось для обслуживания депутатов партийных и советских совещаний разного уровня, возросшее число которых сама Грановитая палата, вероятно, вместить уже не могла. В этом событии принято видеть исключительно реализацию тенденции разрушения, связанную с варварским отношением

²⁸ См., например: Ленин В.И. Указ. соч. Т. 51. М., 1970. С. 256.

²⁹ Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Т. 1. Ч. 2. М., 2000. С. 348–428.

к культурно-историческому наследию страны³⁰. Безусловно, для новых представителей власти крыльцо, проход по которому был обязательным в ритуале коронации русских монархов, не было святыней. Однако его разрушение едва ли представлялось последним своего рода самоценной символической акцией. Скорее все воспринималось, как ряд практических действий, направленных, в конечном итоге, на увеличение площади столовой, находившейся в Грановитой палате. То, что новая постройка мыслилась именно так, говорит и то, что она была сооружена, что называется, «в стык» с самой Грановитой палатой. Это небольшое двухэтажное здание фактически было пристроено непосредственно к южной стене палаты, для чего портал дверей был превращен в окно³¹.

В 1930-е гг. ситуация изменилась. Вопросы бытового существования обитателей Кремля были в той или иной мере разрешены, а репрезентация властных контекстов, напротив, стала более значимой. Имперское пространство оказалось задействованным в этом процессе лишь отчасти. С одной стороны, процесс разрушения тех или иных кремлевских объектов продолжился. В 1933–1934 гг. (специально для размещения участников намеченного на 1934 г. XVII съезда ВКП(б)) в Большом Кремлевском дворце на месте разрушенных Андреевского тронного и Александровского залов был создан зал заседаний Верховного совета. В торце — фактически на месте, где прежде был расположен императорский трон — появилась массивная скульптура В.И. Ленинна. Из наиболее востребованных имперских помещений первого ряда в Кремле остались нетронутыми лишь Георгиевский зал и Грановитая палата.

Именно в это время Грановитая палата начинает использоваться в репрезентативных целях. Здесь в 1938 г. И. Сталин принимает экипаж самолета «Родина» (В. Гризодубова, М. Раскова, П. Осипенко), установивший новый женский международный рекорд дальности полета. В январе 1941 г. в Грановитой проходит юбилей К. Ворошилова, а в мае того же

³⁰ См., например: Михайлов К. Уничтоженный Кремль. М., 2007. С. 242–245.

³¹ На фоне разрушения ряда объектов, в других помещениях проводились некоторые, впрочем, не слишком значительные ремонтные и реставрационные работы (Введенская Л.И. Первые мероприятия Советской власти по реставрации памятников Московского Кремля (1917–1920 годы) // Государственный Музей Московского Кремля. Материалы и исследования История и реставрация памятников Московского Кремля. Вып. 6. М., 1989. С. 119–124; Рыльский И.В. Реставрационные работы в Кремле с 1917 по 1922 год // Архитектура. № 1–2. 1923. С. 16–23). В 1924 г. в Золотой палате делались пробные расчистки стеновых росписей (Вьюева Н.А., Романенко А.И. Дворцы и сады. М., 2003. С. 67).

года — банкет в честь выпускников военных училищ³². Отметим: во всех трех случаях речь шла именно о банкетах.

Во время войны Грановитая палата также, видимо, служила определенным представительским целям. Об этом говорят сохранившиеся коллективные фотографии, на которых в палате происходят награждения орденами военнослужащих. Судя по этим изображениям, к середине 1940-х гг. интерьер зала был адаптирован под советское видение церемониального пространства. Росписи стен были закрыты. Вместо них появились муляжи колонн в духе, своего рода, советского классицизма³³.

Ю. Семенов в «Ненаписанных романах», ссылаясь на режиссера Киселева, утверждал, что именно в Грановитой палате в ноябре 1941 г. проходила пересъемка речи И.В. Сталина, произнесенной 7 ноября 1941 г. во время знаменитого военного парада на Красной площади³⁴. Пленка записью этого выступления оказалась техническим браком, и для повторной съемки была выбрана именно Грановитая палата. Однако, на данный момент другой информацией, подтверждающей факт съемки, мы не располагаем.

Как известно, война изменила отношение к целому ряду имперских символов, начиная от униформы и заканчивая историческими персоналиями. Существенным был сдвиг и в отношении таких объектов, как дворцы и иные представительские сооружения. В массовом сознании они стали восприниматься в полном смысле слова, как символически значимая часть исторического наследия.

Это, в частности, фиксирует такой интересный источник, как советский плакат. В 1910–1920-е гг. конкретная городская топография на советском плакате практически отсутствовала. Город был представлен либо как большой завод (А. Апсит «Год пролетарской диктатуры» (1918 г.), Д. Моор «Петроград не отдадим» (1919 г.), Д. Моор «Ты записался добровольцем?» (1920 г.), либо как некое, также индустриальное футурологическое пространство (Н. Котов «Строительство социализма» (1927 г.). Были, впрочем, и исключения. Как уже упоминалось, Таврический дворец появился на плакате с призывом бережно относиться к

³²Бронтман Л.К. Дневники. 1932–1947 гг. // URL: <http://lib.rus.ec/b/153702/read> (дата обращения: 15.05.2011).

³³Грановитая палата. Коллективное фото после награждения. 1943 г. // URL: <http://www.airforce.ru/history/ww2/zvjagin/index.htm> (дата обращения: 15.05.2011).

³⁴Семенов Ю. Ненаписанные романы. Новеллы // Ю. Семенов. Собрание сочинений. Т. 8. М., 1994. С. 5.

предметам искусства (Н. Купреянов «Граждане! Храните памятники искусства» (1919 г.). Вид Московского Кремля фигурировал на плакате против белогвардейской контрреволюции (Б. Фридман «Враг хочет захватить Москву» (1919 г.). Подобные изображения, впрочем, были чрезвычайно редки.

В 1930-е гг. на плакатах начинают появляться Кремлевские стены и башни (Г. Клуцис «Да здравствует рабоче-крестьянская Красная армия — верный страж советских границ» (1935 г.), А. Кокорекин «С Новым годом!» (1938 г.), В. Говорков «О каждом из нас заботится Сталин в Кремле» (1940 г.). Здесь они указывают на образ Москвы — столицы, Кремля — правительственной резиденции и Кремля — крепости. Последний аспект выходит на первый план в плакатном искусстве военного времени (Б. Мухун «Защитим родную Москву!» (1941 г.), А. Кокорекин «Знамя советское, знамя народное...» (1945 г.). В этот же период на плакатах появляются и другие известные московские места — памятник Минину и Пожарскому (В. Крорецкий «Наши силы неисчислимы!» (1941 г.) или памятник А.С. Пушкину (П. Соколов-Скаля «России двинулись сыны» (1942 г.).

Между прочим, интересным оказывается сопоставление упомянутого выше плаката Г. Клуциса 1935 г. (Рис. 6) и плаката Н. Жукова и В. Климашина «Отстоим Москву!» (1941 г.) (Рис. 7). В первом из них гигантские фигуры Сталина и Ворошилова, принимающих парад на Красной площади, оказываются размещенными позади Кремлевской стены и зданием Сената. На втором же плакате солдат — защитник Москвы помещен непосредственно перед Кремлевской стеной, то есть находится на самой Красной площади. Таким образом, в плакатном искусстве этого времени Кремль представляется, как место/центр сосредоточения властных контекстов и, одновременно, последний рубеж защиты.

Плакаты послевоенного времени вдруг начинают «замечать» историческое пространство города в его многочисленных деталях. Московский Кремль стал восприниматься, с одной стороны, как структура комплексная, включающая в себя не только апроприированные на символическом уровне и ставшие в сознании общества советскими башни и стены Кремля, но и кремлевские дворцы и соборы. В качестве примера можно указать на плакат В. Иванова «Ясен план, скорей за дело!» (1946 г.) (Рис. 8). Здесь на первом плане изображен солдат, занятый на восстановлении города. Позади него — вид на Московский Кремль с соборами, колокольней Ивана Великого и Большим Кремлевским дворцом. Изображения исторического наследия столицы — ассоциирующееся,

прежде всего, с Кремлем — присутствуют и в других работах В. Иванова («Да здравствует Москва!» (1947 г.), а также на плакатах П. Голубя и А. Чернова («Трудись на благо Родины» (1946 г.), Б. Мухина («Да здравствует наша социалистическая Москва!» (1947 г.). На плакате В. Правдина «Работать так, чтобы товарищ Сталин сказал спасибо» (1949 г.) вождь и окружающие его люди и вовсе оказываются изображенными в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца (Рис. 9).

О том, что Московский Кремль стал восприниматься как символически значимый ориентир, говорит и тот факт, что именно в это время произошел окончательный отказ от известного проекта Дворца Советов, который должен был появиться на месте снесенного храма Христа Спасителя (окончательный проект — Б.М. Иофан, В.А. Щуко, В.Г. Гельфрейх (1933–1939 гг.). Проект был отвергнут еще до войны из-за технических сложностей, которые вызывала его реализация. Однако после войны, по мнению ряда исследователей, сама идея перестала быть актуальной: противовес Московскому Кремлю был совершенно не нужен³⁵.

Значительно более востребованными стали сохранившиеся Георгиевский зал Большого Кремлевского дворца и Грановитая палата. При этом, если в первом начинают проходить Кремлевские елки и большие приемы (в честь победы в Великой Отечественной войне (24 мая 1945 г.), в честь участников Парада победы (25 июня 1945 г.) и т.д.), то Грановитая возвращает себе одну из основных утраченных на время функций — место приема послов иностранных государств.

Судя по изображениям середины 1950-х гг. к этому времени щиты, закрывавшие стены Грановитой палаты, были сняты. Так, на фотографиях с приема в честь Дж. Неру, состоявшегося здесь в 1955 г., росписи стен уже открыты³⁶. Сам зал был отреставрирован в 1967–1968 гг. Особое внимание было уделено рельефам центрального столба и дверного портала³⁷.

Но теперь проведение государственно-представительских мероприятий здесь было оформлено иначе, нежели в период Московского

³⁵Дуглова Е. История строительства Кремлевского Дворца Съездов (Государственного Кремлевского Дворца) // *The Soviet Heritage and European Modernism* (Советское наследие и европейский модернизм) (ed. by Jörg Haspel, Michael Petzet, Anke Zalivako and John Zesemer). Berlin, 2007. P. 166.

³⁶См., например, фото А. Гостева «Визит Джавахарлала Неру в СССР. Прием в честь Джавахарлала Неру, данный Правительством СССР в Грановитой палате Московского Кремля. 1955 г.» // URL: <http://www.fotosoyuz.ru> (дата обращения: 15.05.2011).

³⁷Насибова А. Указ. соч. С. 11.

царства и Российской империи. Чтобы понять суть произошедших перемен, следует сказать несколько слов о том, как оформлялись церемониалы, проходившие здесь в дореволюционный период. Как уже указывалось, палата использовалась для разного рода торжественных празднований. В большинстве случаев участвовавшие в церемонии располагались за столами в определенном порядке по отношению к месту, которое занимал монарх, и которое, в силу очевидных причин, воспринималось, как центральное. Отметим, что находившийся здесь монарший трон был не столько трон-креслом, сколько особым образом оформленным царским местом (помост, трон-кресло и, в большинстве случаев, балдахин). При этом расположение конструкции такого рода было межоконным и угловым, то есть вынесенным в сторону от центра (См. рис. 2). Л.А. Юзефович полагает, что подобный выбор места для монаршего трона связан с византийской традицией и, что, возможно, было подсказано Ивану III кем-либо из окружения Софьи Палеолог³⁸.

Царское/императорское место было локализовано у восточной стены палаты, ближе к юго-восточному углу, что совпадает с расположением так называемого «красного угла», то есть наиболее почетного места в русском традиционном доме, где находились иконы и часто стол, отождествлявшиеся с алтарем православного храма и церковным престолом соответственно.

В пространстве зала актуализировались не только коннотации, связанные с юго-восточным направлением, но также символические ряды, апеллирующие к символике солнечного света³⁹ и идее династической преемственности⁴⁰. Последний аспект, в частности, был реализован в положении монаршего места в контексте настенных росписей. За спиной царя/императора находилась композиция, изображавшая первых русских князей — Рюрика, Игоря и Святослава (Рис. 10)⁴¹. При этом, находясь на троне, монарх был обращен спиной к Архангельскому собору, некрополю Рюриковичей и первых Романовых, то есть фактически к могилам

³⁸Юзефович Л. А. «Как в посольских обычаях ведется...». М., 1988. С. 98.

³⁹Для своего времени зал был исключительно хорошо освещен (18 окон в два яруса и вдоль трех стен), а тона, ассоциирующиеся с солнечным светом, то есть золотой (желтый) и красный, воспринимались как царские/императорские цвета.

⁴⁰Об этом см.: Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Кн. 1. М., 1999. С. 215–222; Козлитина Э.М. Документы XVII века по истории Грановитой палаты Московского Кремля // Государственный Музей Московского Кремля. Материалы и исследования. М., 1973. С. 95–110.

⁴¹Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Кн. 1. М., 1999. С. 219–220.

предков, что на внешнем уровне повторяло апелляцию к образу предка, реализованную в росписях палаты⁴².

Немаловажное значение играли и такие семантически важные позиции как «право» — «лево», «вперед» — «назад», «ближе» — «дальше». Известно, что в Грановитой палате лавка, располагавшаяся справа от царя, считалась наиболее почетной и именовалась «большой»⁴³, что отличало людей, занимавших эти места, от тех, кто сидел слева от монарха. Многочисленные изобразительные источники XVIII в.—начала XX вв. свидетельствуют о том, что расположение монаршего трона практически не менялось⁴⁴.

При том, что Грановитая палата стала вновь важным представительским залом (как и в дореволюционные годы особенно часты в этих стенах стали посольские приемы и парадные обеды), росписи были открыты, а само помещение отреставрировано, царская/имперская система оформления власти в этом пространстве во всей полноте актуальной, конечно, не была. Судя по фотографиям, запечатлевшим состоявшийся здесь прием в честь Дж. Неру в 1955 г., само размещение первых лиц в зале было другим. Они находились за столом у южной стены палаты, росписи которой представляли сцены русской истории. При этом Н. Хрущев и Дж. Неру располагались в центре, у композиции «Венчание на царство Владимира Мономаха»⁴⁵, которая посвящена легенде о перенесении из Византии на Русь царских регалий, посланных Византийским императором Константином IX Мономахом в дар Киевскому князю Владимиру Всеволодовичу. Росписи, таким образом, повествовали о прием-

⁴²Об этом подробнее см.: Болтунова Е.М. Указ. соч. С. 65–104; Пчелов Е.В. Указ. соч. С. 107

⁴³Юзефович Л.А. Указ. соч. С. 99.

⁴⁴См., например: Акварель «Внутренний вид Грановитой палаты» из «Коронационного альбома императрицы Елизаветы Петровны» (1744 г.), гравюра А.Я. Калашникова «Венчание на царствие Екатерины II. 22 сентября 1762 г. Парадный обед в Грановитой палате» (последняя четверть XVIII в.) а также фотографии начала XX в. Изображений, свидетельствующих о том, что эта традиция все же время от времени нарушалась — немного. Однако на одной из акварелей М.А. Зичи, изображавшей коронационный обед в Грановитой палате 15 мая 1883 г., Александр III и императрица Мария Федоровна представлены сидящими в зале за общим столом, а не на тронном месте. При этом само тронное место в юго-восточном углу, убрано не было (Кантор-Гуковская А.С., Принцева Г.А. При дворе русских императоров. Произведения Михая Зичи из собрания Эрмитажа. Каталог выставки. СПб., 2005. С. 95).

⁴⁵См., например, фото А. Гостева «Визит Джавахарлала Неру в СССР. Прием в честь Джавахарлала Неру, данный Правительством СССР в Грановитой палате Московского Кремля. 1955 г.» // URL: <http://www.fotosoyuz.ru> (дата обращения: 15.05.2011).

ственности и легитимности, позиционировали определенный континуум, неразрывность власти. Само изображение представляло развернутые друг к другу троны (Константина IX Мономаха и Владимира Мономаха), а также послов, приносящих дары киевскому князю.

Оценить вопрос выбора именно этого места, как отправной точки для оформления приема делегации Индии, представляется крайне сложным. Показателен, однако, отказ от основного принципа размещения здесь царского/императорского трона, связанного с угловым положением на юго-востоке зала, и переход к расположению в центре стены. Возможно, определенное значение для реализации представительских функций, связанных с приемом послов, сыграла символика пары тронов. Дуальный образ сам по себе, без контекста священной истории русской власти, был прост для считывания и мог восприниматься, как указание на два линии власти и, в конечном итоге, две делегации, две страны.

В 1990-е гг., то есть в период многочисленных деклараций о необходимости возвращения к прошлому, связанному с историей Российской империи позиции такого рода были существенно пересмотрены. В это время репрезентативное пространство Кремля словно бы обретается заново, оно проходит через процесс повторной апроприации. Восстановление Андреевского и Александровского залов Большого Кремлевского дворца (1994–1999 гг.) и Красного крыльца Грановитой палаты (1993–1994 гг.) начинаются практически синхронно.

Но, как очевидно уже сейчас, подобная реконструкция, напрямую связанная с процессом конструирования исторической памяти, имеет свои особенности. Нельзя не согласиться с В. Беньямином, утверждавшим, что аура, которая окружает оригинальное произведение искусства, при воспроизведении последнего утрачивается⁴⁶. Возможно, именно отсутствием ощущения подлинного континуума объясняется относительно малая востребованность этих помещений в конце 2000-х—начале 2010-х гг. и все больший интерес к сохранившемуся после революции Георгиевскому залу Большого Кремлевского дворца.

Грановитая палата, являвшаяся одним из помещений Верховного Совета СССР, в постсоветское время стала представительским залом Президента Российской Федерации. Ее функциональное назначение не изменилось. Многие акценты, однако, оказались смещенными. Судя по сохранившимся изображениям, по крайней мере, в начале 1990-х гг. расположение первых лиц российской власти в Грановитой палате могло

⁴⁶Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе. М., 1996.

повторять расположение в этом же помещении царей и императоров. Например, на фотографии 1992 г., снятой во время Пленарного заседания Конституционной комиссии, занимавшейся доработкой проекта Конституции России, председательствующий Р. Хасбулатов находится именно в юго-восточном углу зала. Композиция за его спиной изображает трех первых русских князей, в том числе и Рюрика (Рис. 11). Сложно предположить, что занимавший на тот момент должность председателя Верховного совета Российской Федерации Р. Хасбулатов оказался в этой точке Грановитой палаты случайно. Ведь угловое размещение царско-императорского места, задававшего отсчет всей пространственной семантике палаты, было традицией, которая реализовывалась в этом зале на протяжении нескольких столетий. Ее не изменили даже имперские апелляции к идее центрального расположения трона, столь распространенные в других представительских помещениях XVIII–начала XX вв. (Андреевский тронный зал Большого Кремлевского дворца, Георгиевский тронный зал Зимнего дворца и др.). Очевидно, что выбор для председательствующего такого в полном смысле слова царского места был осмысленным. Особенно, если принять во внимание то, что Хасбулатов — человек отнюдь не лишенный политических амбиций — судя по фотографии, находился за этой частью стола в одиночестве.

Вместе с тем, нельзя не отметить, что, в период президентства Б. Ельцина и В. Путина такие «лобовые» апелляции к царским/имперским контекстам больше не имели места. С середины 1990-х гг. и по настоящее время высокие гости располагаются в Грановитой палате в нескольких шагах от прежнего царского/императорского места — у центральной росписи все той же восточной стены. Композиция этой части зала изображает великого князя Владимира Святославича с сыновьями. Она направлена на прославление деяний князя, распространившего на Руси христианство и способствовавшего подъему Киевского государства, вступившего при нем в пору расцвета духовной и материальной культуры (Рис. 12–13). Возможно, что очередное перемещение по залу было вызвано все той же семантикой категорий «центр» и «периферия», маркирующих угловую зону, как вторичную.

В целом, можно сделать вывод о том, что имперское репрезентативное пространство в России на протяжении последнего столетия прошло путь от исключительно утилитарного использования до возвращения к первоначальной функции (символическая репрезентация). Этот процесс, начавшийся, в сущности, еще в 1930-е гг., с течением времени только набирал обороты, превратившись в послевоенные годы в на-

стоящее «открытие» имперской топографии. И советская, и современная российская власть, реализуя новый дискурс, в конечном итоге никогда не отказывалась традиционных (даже архетипических) семантических констант. С другой стороны, характерной чертой полученной картины всегда являлось амбивалентное сосуществование самых разных культурно-исторических контекстов, смещение знаковых акцентов и соположение семантических полей.

Рис. 1
И.А. Вейс. Грановитая палата и Благовещенский собор
в середине XIX в. Акварель. 1852 г.

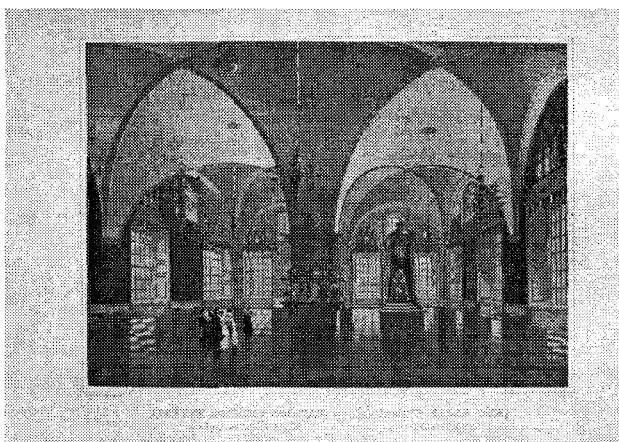

Рис. 2
Грановитая палата. XIX в.

Рис. 3
 Неизвестный художник. «Вступайте в коммунистическую партию!».
 Плакат. 1920 г.

Рис. 4
 Н. Куприянов. «Граждане! Храните памятники искусства».
 Плакат. 1919 г.

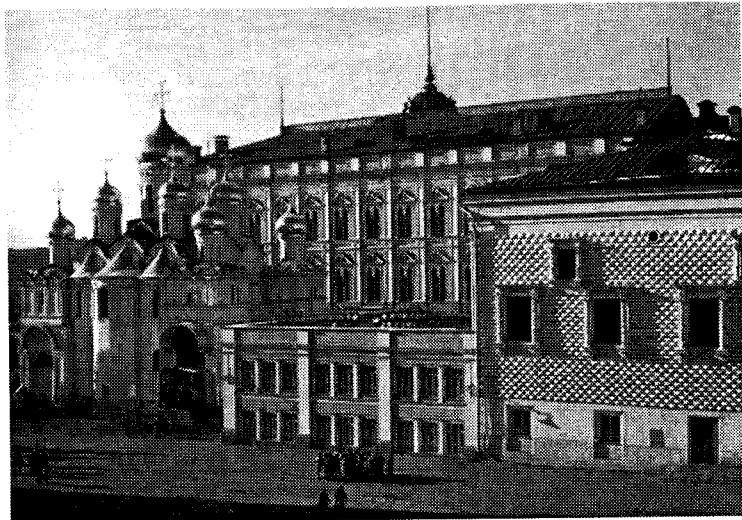

Рис. 5
Благовещенский собор, здание кремлевской столовой,
построенное в 1934 г. на месте снесенного Красного крыльца,
и Грановитая палата

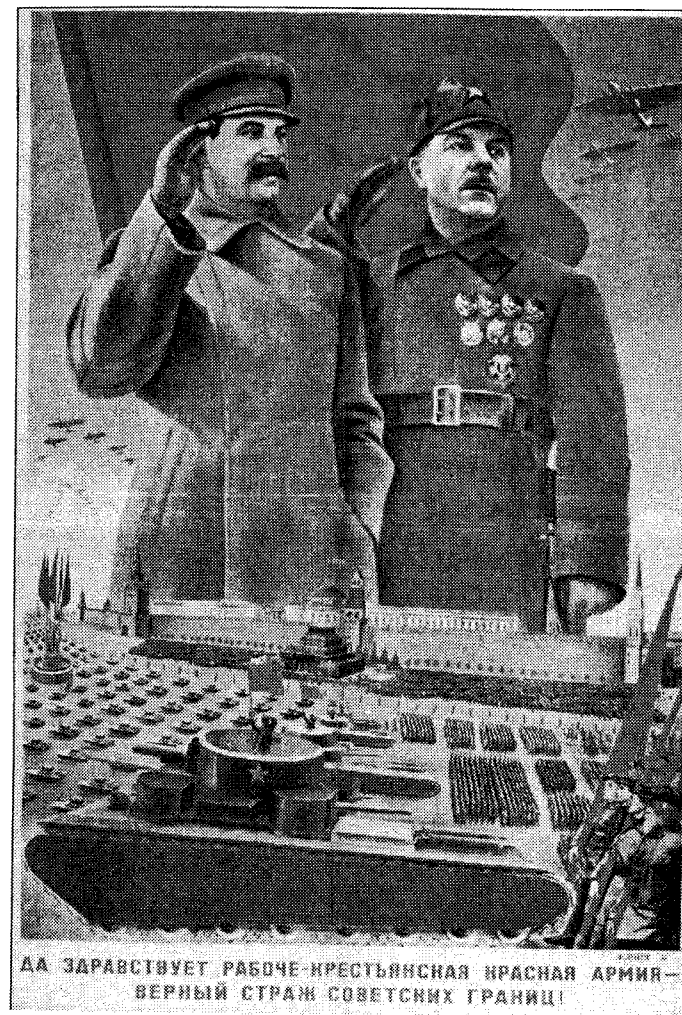

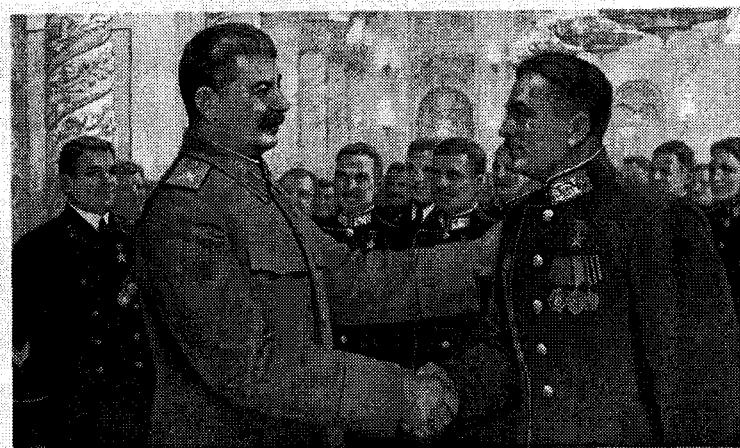
Рис. 6
Г. Клуцис. «Да здравствует рабоче-крестьянская Красная армия – верный страж советских границ». Плакат. 1935 г.

Рис. 7
Н. Жуков, В. Климашин. «Отстоим Москву!».
Плакат. 1941 г.

Рис. 8
В. Иванов. «Ясен план, скорей за дело!» Плакат. 1946 г.

РАБОТАТЬ ТАК, ЧТОБЫ ТОВАРИЩ СТАЛИН СПАСИБО СКАЗАЛ!

Рис. 9

В. Правдин. «Работать так, чтобы товарищ Сталин сказал спасибо». Плакат. 1949 г.

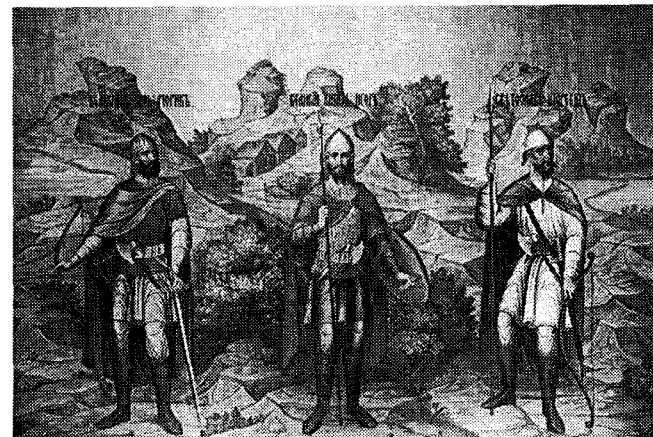

Рис. 10

Грановитая палата. Роспись восточной стены.
Первые Рюриковичи

Рис. 11

Пленарное заседание Конституционной комиссии.
Председатель – Р.И. Хасбулатов. Грановитая палата. 1992 г.

Рис. 12
Прием в Грановитой палате. 1997 г.

Рис. 13
Торжественный прием по случаю восстановления единства
Русской православной церкви. Грановитая палата, 9 мая 2007 г.

Научное издание

Труды «Русской антропологической школы»
Вып. 8

Ответственный редактор выпуска *Е.М. Болтунова*

Художественный редактор *М.К. Гуров*

Компьютерная верстка *А.В. Гараджа*

Оригинал-макет подготовлен
в Институте «Русская антропологическая школа»

Подписано в печать 22.07.2011.
Бумага № 1. Формат 60x84¹/₁₆
Уч.-изд. л. 11,0. Усл. печ. л. 10,0.
Тираж 1050 экз. Заказ № 232

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
Тел. +7 (499) 973-42-06